

Михаил Васильевич Ломоносов. Сочинение Ксенофонта Полевого. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

Михаил Васильевич Ломоносов. Сочинение Ксенофонта Полевого. В. Г. Белинский
Гений есть самое торжественное проявление силы человеческого духа. Ниспосылаемый на землю, как решитель препятствий, затрудняющих ход человечества и народов, он есть как бы фокус сознания современного ему человечества или своего народа. Неистощимый в силах и средствах, непобедимый в борьбе, загадка для самого себя, то идол, то жертва людей, мученик своего призвания, – какое высокое и умиленное зрелище представляет он свою жизнь! И люди жадно смотрят на это зрелище, когда поймут и сознают его величие, громко и с восторгом рукоплещут умершему актеру, которого осмистывали при его жизни, поклоняются, как идолу, закланной ими жертве. И это очень естественно, очень понятно: с одной стороны, только в борьбе и битвах с жизнью творится великое, и, в таком случае, люди бессознательно служат пружиной деятельности гения; с другой стороны, только издали греют и освещают лучи солнца, а вблизи они, может быть, жгли бы и ослепляли; не весной и не летом, а осенью, не в пышном и благоухающем цвете, а в печальной и увядающей зелени, приносит дерево свой плод. И как обвинять людей, что они редко оценивают гения при его жизни? Им мешают хладнокровно и беспристрастно всматриваться в его жизнь и отношения личные, и страсти и страстишки, и самолюбие эпохи, а сверх того, они вообще великанов почитают уродами и ищут предметов обожания себе по плечу. Но как бы то ни было, а истина наконец восстанавливается, хотя и поздно, справедливость воздается, хотя и за гробом: закатившийся гений сияет людям ровным и тихим светом, не ослепляя их глаз и не скрывая от них своих пятен, и люди с благоговением поклоняются тени великого, изучают его жизнь и дела, чтобы добраться по ним, что такое были они сами в то время, когда он представлял их собою, то есть мыслил, чувствовал, страдал и делал за них. Редко являются на землю эти посланники неба, не каждый век и не каждый народ гордится ими. Несмотря на свое родственное сходство, несмотря на тождество идеи, выражаемой их явлением, они стоят не всегда на одной ступени величия, отличаются не всегда равной силой. Но это часто зависит от обстоятельств, среди которых они являются в мир. Александры, Цезари, Карлы, Лютеры, Наполеоны действуют прямо на все человечество, дают другое направление делам всего мира; Генрихи, Кольберты, Петры действуют на человечество и его будущую судьбу не прямо, а чрез свой народ, подготавливая в нем нового действителя на сцене мира.

Наш Ломоносов принадлежит к числу этих скромных, но тем не менее великих гениев последнего рода. Европа едва знала о его существовании, отечество знало, и то в лице немногих, только имя Ломоносова, но не понимало идеи, значения этого имени. И теперь, когда уже наступило время беспристрастного суждения об этом человеке, многие ли понимают всю огромность его гения, многие ли даже уважают его по сознанию, по убеждению, а не по привычке, не по урокам школы, врезавшимся в память, не по нелепым возгласам педантов, прожужжавшим уши всему читающему миру?.. Да и за что, в самом деле, уважать Ломоносова? Что он сделал? – Ровно ничего, если угодно! – Где дела его? – Нигде, если хотите! – Но, спросим мы, в свою очередь, что сделал Петр Великий, где дела его? – И на поверку выйдет опять-таки ничто и нигде!.. В самом деле, разве нынешний Петербург – его Петербург, нынешняя Россия – его Россия?.. Так, не его, не та, совсем другая; но без него она не была бы такою, какою мы ее видим...

Между Ломоносовым и Петром большое сходство: тот и другой положил начало великому делу, которое потом пошло другим путем, другим образом, но которое не пошло бы без них. Дать ход идее, пробудить жизнь в автомате – великое дело, на которое мало здравого смысла, мало ума, мало таланта, на которое нужен гений, а гений есть олицетворение, проявление идеи целого человечества, целого народа в лице одного человека. Гений не есть, как сказал Бюффон, терпение в высочайшей степени, потому что терпение есть добродетель посредственности, бездарности; но он есть сильная воля, которая все побеждает, все преодолевает, которая не может погнуться, не может отступить, хотя и может переломиться, пасть, но, в таком случае, она уже не переживает себя. Да – сила воли есть один из главных признаков гения, есть его мерка.

И как изумительно, как чудесно проявилась эта дивная сила в Ломоносове! Чтобы понять это вполне, надо забыть наше время, наши отношения, надо перенестись мыслью в ту эпоху жизни России, когда грамотных людей можно было перечест по пальцам, когда учение было чем-то тождественным с колдовством, когда книга была редкостью и неоцененным сокровищем. И в это-то время, на берегу Ледовитого

Михаил Васильевич Ломоносов. Сочинение Ксенофонта Полевого. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru

океана, на рубеже природы, в царстве смерти, родился у рыбака сын, который с чего-то забрал себе в голову, что ему надо, непременно надо учиться, что без ученья жизнь не в жизнь. Ему этого никто не толковал, как толкуют это нынче, его даже били за охоту к ученью, как нынче бьют за отвращение к науке. Чуден был этот мальчик, не походил он на добрых людей, и добрые люди, глядя на него, пожимали плечами. Все, и старше его, и моложе, и ровесники, все смотрели на вещи глазами «здорового смысла» и, по привычке видеть их каждый день, не видели в них ничего необыкновенного: солнце им казалось большим фонарем, светившим им полгода, а чудное сияние в полугодовую ночь – отблеском большого зажженного костра дров; необозримое море они почитали за большой рыбный садок; словом, этим благоразумным людям все казалось обыкновенным, кроме денег и хлеба. Но мальчик смотрел на все это другими глазами: в полугодовой ночи он видел что-то чудное, скрывавшее в себе таинственный смысл; океан манил его в свою неисходную даль, как бы обещаю ему объяснить все непонятное, все, что сообщало его душе странные порывы, волновало его грудь неизъяснимую и сладкую тоскою, возбуждало в его уме вопросы за вопросами... Да, мальчик был любимое дитя природы, родной сын между миллионами пасынков, а между любимым сыном и любящею матерью всегда существует симпатическое чувство, которым они молча понимают друг друга... Но мальчику мало было понимать чувством, он хотел понять разумом; ему мало было любоваться на прекрасную природу, он хотел заставить ее говорить с собою, открыть себе ее заметные тайны, словом, ему хотелось чего-то такого, чего он не умел назвать и чего боялся... И вот он, покорный внутреннему голосу, оставляет любимого отца и ненавистную мачеху, бежит в Москву... Зачем? – учиться! Станный мальчик! чего он надеялся, чего добивался! Тогда еще не давали за знания чинов{1}, тогда наука еще не была дойною коровою, и не золото, не почести, а бедность, горесть и унижение сулили они безумному... Говорят, что есть свои наслаждения в науке, потому только, что она наука, свое блаженство в истине, потому только, что она истина; говорят, что внешняя жизнь не удовлетворяет даже тех людей, которые исключительно для нее созданы, потому что, среди избытка земных благ, эти люди желают еще больших, которых земля уже не в состоянии им дать, и что будто бы эта ненасытность есть доказательство невозможности удовлетворения себя одним темным; говорят, что, напротив, внутренняя жизнь вполне удовлетворяет человека, внимательного к ее таинственному зову, что духовная пища насыщает, не обременяя, услаждает, не производя отвращения; говорят еще, что будто бы есть свое счастье в несчастье, свое блаженство в страдании, свое сладострастие в лишениях и жертвах для истинного, благого и прекрасного... Да – это говорят и пишут, но только ныне, и говорят это не одни мудрые века, но и люди обыкновенные, говорят не как истины вероятные, но как аксиомы непреложные; но тогда, но в то время, в самой Европе, эти истины постигались только избранными, только солью земли{2}, и постигались темным чувством, а не сознательным разумением; в России же никто и не подозревал их, никто и не догадывался о них. Кто ж сказал о них нашему бедному, необразованному юноше, нашему холмогорскому мужику, человеку низкого происхождения? – Никто, кроме этого внутреннего голоса, который слышится душе избранной, никто, кроме этой глубокой веры, которая двигает горы с места на место!.. Кто дал ему средство идти с таким упорством к своей цели? – Никто, кроме этой могучей воли, которая есть орудие гения!.. Иди же в свой путь, стремись на свое великое дело, юный гений. Борись с людьми, страдай от них, для их же счастья, жми руку богачу, склоняй чело пред вельможею, но не для них и не для себя, а ради приращения науки в любезном отечестве, и не забывай, что это не долг, а жертва с твоей стороны, что ты не должен, ради суеты земной или раболепного удивления к блестящей ничтожности, к позлащенным кумирам, унижать, пред сынами земли, любимцами слепого счастья, своего достоинства, своего великого сана, своего высокого рода, ты, избранник божий, гражданин неба, вельможа вселенной!..

И Ломоносов не изменил своему назначению: вся жизнь его была прекрасным подвигом, непрерывною борьбою, непрерывною победою. Голова ходит кругом от мысли, что было сделано в России до Ломоносова и что он должен был сделать и что сделал. Петр Великий, прежде нежели завел в России первую типографию, должен был сам нарисовать формы новых букв; прежде нежели увидел первый печатный лист, должен был своими державными руками править корректуру; прежде нежели увидел обученное войско, должен был собою показать идеал солдата, идеал повиновения; прежде нежели увидел успех военных укреплений и флота, должен был сам быть и кузнецом, и плотником, и слесарем, и столяром, словом, всем. Так и Ломоносов: он все должен был сам сделать, всему положить начало; строя дом, должен был делать и подмости, обжигать кирпичи и растворять известь. До него существовала только русская азбука, но не было русского языка, и только после него стал возможен в России раздел ученых и литературных трудов. И вот он пишет грамматику, которая

Михаил Васильевич Ломоносов. Сочинение Ксенофонта Полевого. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru уже не годится для нашего времени, но лучше которой еще не являлось у нас; [1] дает законы языку и утверждает их образцами. Какой же можно требовать художественности от его стихотворений и его похвальных слов, когда они писаны были не столько по призыву вдохновения, не столько из бессознательной потребности творить, сколько по призыву нужды, сколько по сознательному желанию дать образцы литературы и поверить на практике теорию языка и стихосложения. И как он успел в последнем! введенное им стихосложение осталось навсегда в русском стихотворстве, и стихи его, по гармонии, гладкости, правильности языка, гораздо выше его прозы, в которой он старался подделаться под склад и конструкцию латинской прозы. Мы даже думаем, что Ломоносов был человек с решительным талантом к поэзии: кроме ярких, хотя и немногих, проблесков истинной поэзии, в его одах есть строфы, как будто написанные десять лет назад тому. Конечно, в наше время звучный и гладкий стих уже не есть несомненный признак таланта, но тогда, во времена Кантемиров, Тредьяковских, Сумароковых, тогда одно внешнее достоинство ломоносовских стихов могло ручаться за неподдельное внутреннее достоинство. В самом деле, когда у нас стали даже и бездарные люди писать гладкими и звучными стихами? После Пушкина – и я заключаю из этого, что даже внешняя сторона искусства доступна только одному таланту и уже не прежде, как после его подвига, она делается достоянием рутиньеров. Риторика Ломоносова тоже была великою заслугой для своего времени; если она теперь забыта, то не потому, чтобы мы имели риторики выше ее по достоинству, а потому, что теперь риторика, в том значении, какое дают ей, как науке, научающей красно писать, сделалась исключительным достоянием педантов, глупцов и считается за такую же науку, как алхимия и астрология. Ломоносов был не только поэтом, оратором и литератором, но и великим ученым. Обширная область естествознания сильно манила его пылкий ум, и не вотще, по прекрасному выражению г. Полевого, «в виде Ломоносова, Россия стучалась в двери Вольфа, с жаждою науки и знания»... [3] Он всем занимался с жаром, любовью и успехом. И сколько трудов должен был во всем преодолеть! Он пристрастился, например, к мозаике, и что ж? принужден был сам отливать разноцветные стекла! Кроме того, сам делал, как позволяли ему средства, физические инструменты. Тогда не то, что ныне, тогда Академия наук была беднее всякой нынешней гимназии. Да об Академии тогда и не очень заботились, она была, как и самое просвещение, род какого-то парада для торжественных дней – форма, вывезенная из Европы, без идеи. План основания Академии принадлежит Петру Великому, и если бы провидение допустило его осуществить этот план, тогда Академия видела бы заботы и попечения о себе и по крайней мере не нуждалась бы в пособиях; но после Петра, до Екатерины II, смотрели на Академию, как на место, в котором говорят торжественные речи в торжественные дни, не больше. Даже просвещенное покровительство благородного Шувалова не много давало Ломоносову средств к возвышению этого единственного ученого общества в России. Шувалов также не всегда мог защищать Ломоносова от подлецов-рутиньеров, Тредьяковских и проч. Академическая канцелярия была сильнее целой Академии, подьячие были сильнее академиком...

Не прекрасна ли такая жизнь? не интересен ли такой человек? Или, лучше сказать, не должны ли такие люди составлять предмет живейшего любопытства, глубокого благоговения для всех народов вообще и для своего в особенности? Не есть ли Ломоносов одна из самых ярких народных слав? Ученый, поэт и литератор, не по случаю, а по призванию, он преодолел тысячи препятствий и во всю жизнь остался человеком, ученым тружеником, а не сделался, когда улыбнулось ему мирское счастье, вельможею, знатным баринком... Как резка разница между гением и простым дарованием! Карамзин был с большим дарованием, много сделал для русской литературы, но как Ломоносов-то был выше его! Один, без средств, без способов, находит всё сам, борется на каждом шагу; другой, воспитанник Новикова, подготовленный к немецкому образованию, сбивается с своего пути и, знакомый с немецкою и английскою литературами, увлекается пустым блеском «светской» французской литературы, «светской» французской учености и остается ей верен при общем перевороте ученых и литературных идей, при решительном отступничестве Франции самой от себя и решительном перевесе германской мыслительности. Потом, один, с пустыми вспоможениями, с малым достатком, проводит всю жизнь в укромной тиши кабинета и выходит из него только к Шувалову, и то в надежде «какого-нибудь обрадования по своим справедливым для пользы отечества прошениям», трудится над полем глухим, заросшим, к которому от века не прикасалась нога человеческая, и творит из ничего; другой, со всеми средствами, принимается за поле еще не обработанное, не засеянное, но уже подвергшееся хотя первоначальной разработке, продолжает свое прекрасное дело с успехом, который замечают, ободряют, и он, взысканный признательностию и милостыями, оканчивает свое дело уже как бы ex-officio [2], делается светским человеком, вельможею...

Доселе у нас не было биографии Ломоносова, все известия о его жизни являлись в разбросанных отрывках, там и сям. Г-н К. Полевой решился пополнить этот важный недостаток в нашей литературе и выполнил свое намерение с блестящим успехом. Его книга не роман и не биография в точном смысле этого слова. Настоящей биографии Ломоносова не может и быть, потому что этот необыкновенный человек не оставил по себе никаких записок, современники его тоже не позаботились об этом. Да и как требовать от них этого: они смотрели на Ломоносова не как на гениального человека, а как на беспокойную и опасную для общественного благосостояния голову: посредственность ничем так жестоко не оскорбляется, как истинным превосходством, и во всякого рода превосходстве видит буйство и зажигательство... Итак, может быть только хронологический перечень сочинений Ломоносова, с обозначением главных событий его жизни, но полная картина жизни гениального человека исчезла навсегда. Чтобы представить ее, нужно дополнить, расцветить воображением известные факты, оттушевать фантазиею сухой очерк. Так и сделал г. Полевой. Он не позволил себе ни одного вымышленного факта; у него есть вымысел, но он состоит в расцветлении живыми подробностями какого-нибудь известного факта. Объясним это примером: известно, по одному дошедшему до нас письму Ломоносова к Шувалову, что этот вельможа хотел помирить его с Сумароковым: г. Полевой описывает это происшествие, как оно представилось его воображению.

Вот письмо Ломоносова:

Никто в жизни меня не избидел, как ваше высокопревосходительство. Призвали вы меня сегодня к себе, я думал, может быть, какие-нибудь обрадования будут по моим справедливым прошениям. Вы меня отозвали и том поманили. Вдруг слышу: помирись с Сумароковым! То есть, сделай смех и позор. Свяжись с таким человеком, от коего все бегают и вы сами не ради. Свяжись с тем человеком, которой ничего другого не говорит, как только всех бранит, себя хвалит и бедное свое рифмичество выше всего человеческого знания ставит. Тауберта и Миллера для того только бранит, что не печатают его сочинений, а не ради общей пользы. Я забываю все его озлобления и мстить не хочу никоим образом, и бог мне не дал злобного сердца. Только дружитья и обходиться с ним никоим образом не могу, испытав чрез многие случаи и зная, каково в крапиву... Не хотя вас оскорбить отказом при многих кавалерах, показал я вам послушание, только вас уверяю, что в последний раз. И ежели, несмотря на мое усердие, будете гневаться, я полагаюсь на помощь всевышнего, которой мне был в жизнь защитником и никогда не оставил, когда я пролил пред ним слезы в моей справедливости. Ваше высокопревосходительство, имея ныне случай служить отечеству спомоществованием в науках, можете лучшие дела производить, нежели меня мирить с Сумароковым. Зла ему не желаю; мстить за обиды и не думаю, и только у господ прошу, чтобы мне с ним не знаться. Будь он человек знающий и искусный, пускай делает пользу отечеству; я по моему малому таланту также готов стараться. А с таким человеком обхождения иметь не могу и не хочу, которой все прочие знания позорит, которых и духу не смыслит. И сие есть истинное мое мнение, кое без всякия страсти ныне вам представляю. Не токмо у стола знатных господ или у каких земных владетелей дураком быть не хочу, но ниже у самого господ бога, которой мне дал смысл, пока разве отнимет. Г-н Сумароков, привязавшись ко мне на час, столько всякого вздору наговорил, что на весь мой век станет, и рад, что его бог от меня унес. По разным наукам у меня столько дела, что я отказался от всех компаний; жена и дочь моя привыкли сидеть дома и не желают с комедиянтами обхождения. Я пустой болтли и самохвальства не люблю слышать. И по сие время ужились мы во единодушии. Теперь, по вашему миротворству, должны мы вступить в новую, дурную атмосферу. Ежели вам любезно распространение наук в России, ежели мое к вам усердие не исчезло в памяти, постарайтесь о скором исполнении моих справедливых для пользы отечества прошениях, а о примирении меня с Сумароковым, как о мелочном деле, позабудьте. Ожидая от вас справедливого ответа, с древним высокопочитанием пребываю, и проч. {4}.

Вот представление самого происшествия, или вымысел от лица автора:

...Ломоносов был в ожидании, когда однажды Шувалов прислал просить его к себе обедать. Обрадованный поэт, обещая себе добрые вести, спешил на приглашение. Несколько изумило его собрание, которое нашел он у своего покровителя. Тут были знатные люди, вельможи, несколько знакомых лиц и, наконец, Сумароков! Неприятное чувство втеснилось в сердце Ломоносова. Но что почувствовал он, когда Шувалов отвел его к стороне и сказал: «Михайло Васильевич! Знаешь ли, зачем я призвал тебя?.. Помирись с Сумароковым! Он признается, что был несправедлив к тебе, и сам просит мира».

Ломоносов не знал, что отвечать на эти не ожидаемые им слова; но Шувалов, не дожидаясь ответа его, сказал громко:

– Александр Петрович! Вот вам рука моего приятеля, что он забывает все прежнее и будет отныне вашим добрым знакомцем.

Сумароков тотчас подскочил к Ломоносову, схватил его руку и, пожимая ее, заговорил быстро:

– Очень рад, Михайло Васильевич, очень рад, что мы будем с вами теперь приятели. Я сам просил его высокопревосходительство свести нас, потому что за что нам ссориться? Мы оба пишем стихи! Так что ж? Я пишу хорошо, и вы не хуже! Я, сударь, читал вашу поэму и тотчас сказал, что вы великий пиит! Да-с, без утайки скажу это, при целом свете. Ваша поэма полна красот! Какие прекрасные стихи, картины, вымыслы! Лавровый венок вам, лавровый венок! Есть, правда, грехи против языка, и я мог бы заметить вам... но вы сами сочинили грамматику: не мне учить вас! Прекрасно, сударь, прекрасно! Только вы, я думаю, не скоро dokonчите ваш труд? Есть ли у вас еще в готовности хоть одна пиэса?..

Эта река слов разлилась так быстро, что Ломоносов не мог ничего ни сообразить в словах Сумарокова, ни отвечать на них, и только растворил рот, как собеседник его уже снова говорил:

– А я так предпринял переложить в стихи все псалмы Давида. Труда много, да я не боюсь его. Не хочу соперничать с вами и пишу только для прославления российского слова. Как хотите, а мы с вами уже не будем соперниками. Да вот, ровно год назад, ваш и мой перевод оды господина Руссо «На счастье» был напечатан в «Полезном увеселении». Чей лучше? Судить не мое дело, а признайтесь, что я перевел гораздо повернее вас. Я постиг французских писателей, и лучше меня не будут переводить их и чрез сто лет. Я еще недавно получил письмо от г. Вольтера... Позвольте, оно, кажется, со мной...

Покуда Сумароков шарил в карманах, Ломоносов отирал пот, которой выступил на лице его от досады на эту шутовскую сцену. В самом деле, двух литературных врагов окружили многие господа и с улыбкою смотрели на их встречу. Ломоносов бесился от этого и молчал, а Сумароков, не обращая внимания ни на что, воскликнул:

– Какая досада! забыл дома!.. Ну да все равно. Вы поверите и на слово, что г. Вольтер отдает мне полную справедливость. Он даже удивляется: как могу я писать трагедии на русском языке.

– Мне, однако ж, странно, – возразил Ломоносов, выведенный из терпения этою болтовней. – Странно, как г. Вольтер берется судить о таком предмете, которого не может понимать. Ведь он не знает по-русски?

– Да я разве говорю, что он знает? Напротив, он даже не верит, что на русском языке можно писать трагедии. А вы знаете, – прибавил Сумароков с довольным видом, – написал ли я трагедии, и каковы они? Вы и сами делали попытку, да вы не знаете театральных эффектов; оттого и трагедии ваши не попали на театр. Зато ваша поэма единственна!

Сумароков продолжал говорить беспрестанно, покуда не позвали всех к столу. Он хотел было сесть подле Ломоносова, но тот уклонился от этой тяжелой для него чести и сел по другую сторону стола. Сумароков и тут находил средство беспрестанно обращаться к новому своему другу, которой или не отвечал ничего, или отвечал как можно короче. Хозяин был чрезвычайно любезен со всеми, но особенное внимание обращал на своих ученых гостей. Замечая, что они худо сближаются, он старался завести общий разговор, где Ломоносов мог бы выказать свой ум и свои познания. Но поэт был угрюм. Тесно было его душе среди этого светского, чуждого для него общества; а всего больше досаждал ему Сумароков, навязываясь с своею дружбою.

Наконец, пышной обед кончился, и гости перешли в другую залу. Сумароков уже был подле Ломоносова, потчевал его табаком и опять завел речь о прежнем, то есть о своих стихах и литературных успехах.

– Я страх сердит на гг. Миллера и Тауберта! – сказал между прочим. – Это, сударь, себялюбцы, непросвещенные люди, грубияны. Вдруг не стали им нравиться мои стихи! Да поверю ли я этому? Ведь прежде они с радостью принимали их? Миллер печатал, а Тауберт пропускал. Тут другая причина!.. Да я и не нуждаюсь. Я живу в таком круге, где умеют ценить дарования. Знаете ли, Михайло Васильевич, – прибавил он, – что вам бы не худо быть почаще в нашем общественном круге, то есть, вот посещать бы меня, познакомиться с моим семейством. Право, приезжайте ко мне и позвольте также нашим женам сблизиться. Я почту за честь познакомиться с г-жою коллежскою советницею, не знаю имени и отчества супруги вашей...

– Благодарю, – сказал Ломоносов. – Жена моя простая женщина, немка, и не привыкла обращаться в свете. Она всегда сидит дома!

– Но почему же не развлекать себя иногда? Слава богу, ваше звание, ваше имя дают доступ во все лучшие дома. А мы бы с вами между тем рассуждали о российской

Михаил Васильевич Ломоносов. Сочинение Ксенофонта Полевого. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru словесности. Вот, батюшка, предмет неистощимый! У нас все новость. Я, например, недавно изумил одно знатное общество. Утверждали, что на русском языке нельзя писать нежных стихов. Я заспорил и, в доказательство, тут же написал им сто двадцать двустиший, любовных, пастушеских и всяких. Да ведь вот что странно. Читали, восхищались русскими стихами, а начали хвалить по-французски!.. Господа, сказал я им: разве у нас нет своего, русского языка? А они стали смеяться. Жалкая, сударь, эта страсть к чужому языку, и она видимо усиливается. Ломоносов совершенно потерял терпение и воспользовался первою удобною минутою убежать от несносного для него человека. Знатные господа уселись играть в карты. Сумароков поймал какого-то гвардейского офицера и начал ему читать наизусть отрывки из новой своей трагедии, а Ломоносов тихонько, незаметно ни для кого, ушел, проклиная этот несчастный день.

«Что это делает со мною Иван Иванович! – думал он. – Как ему не совестно связываться с этим человеком, и еще сводить нас, мирить, как будто злых собак! О, эти бояре! – Он невольно топнул. – Самый лучший из них остается верен своей касте. Они почитают все дозволенным для себя. Они думают, что им стоит только пожелать, и все исполнится. Нет, господа! вы ошибаетесь. Вам не помирить огня с водой, человека с дураком и Ломоносова с Сумароковым!»

Нам кажется, что приведенный нами отрывок может дать самое лучшее понятие о манере автора, его искусстве и таланте. Вот в чем состоит его изобретение, которое нам кажется совершенно позволительным и законным. В самом деле, какое умение поэтизировать свой предмет, какая верность живописи! Ломоносов – весь в этом отрывке, таков, как виден в своем письме к Шувалову – этом образце благородства и прямоты. А Сумароков! о, и, он весь, со всем своим самохвальством, пустотою и ничтожностью! Но это не лучшее место в книге: юность Ломоносова, постепенное развитие его гения и сознание своего призвания, жизнь в Германии, любовь, женитьба, бегство в Россию, первые успехи, борьба с невежеством – словом, весь Ломоносов, вся жизнь его изображены так просто, благородно, увлекательно, с таким одушевлением. Вы читаете не компиляцию, не сбор фактов, а видите живую и полную картину, чем дальше, тем сильнее приковывающую к себе ваши глаза. И не могло быть иначе: все создание проникнуто идеею, и вы везде, как в общности, так и в малейших подробностях, видите эту идею, а эта идея – внутренняя жизнь человека и гения. Взгляд на Ломоносова самый верный, по крайней мере для нас; все суждения о каждом отдельном труде Ломоносова обнаруживают здравые литературные понятия; нет ни малейших отступлений от истины. Мы разумеем здесь истину высшую, истину идеи, которая сообщает истину и изложению и подробностям. Язык везде изящный и благородный, по местам искусно и удачно поддельвающийся под старину. Все создание проникнуто истинною художественностию, достойною своего высокого предмета.

Мы уже сказали, что это и не роман и не биография, в точном смысле этих слов; но это дело и ума и фантазии, это поэтическая биография, принадлежащая и к науке и к искусству, – род совершенно новый, оригинальный.

Да – мы чистосердечно и добросовестно можем сказать, что книга г. Ксенофонта Полевого есть приятное явление в нашей литературе, прекрасный подарок публике^{5}. Мы особенно рекомендуем ее молодому поколению, из среды которого готовятся будущие деятели на ниве человеческой мысли: оно найдет для себя высокие уроки в этой книге, оно увидит в жизни Ломоносова свой долг и свое назначение, оно узнает из нее, что только в честной и бескорыстной деятельности заключается условие человеческого достоинства, что только в силе воли заключается условие наших успехов на избранном поприще. Не всякому природа дает гений, не всякому назначено быть Ломоносовым, но и без гения у человека может быть стремление к благу и добрая, если не сильная, воля, а с стремлением к благу и доброю волею всякий может выполнить свое назначение на поприще деятельности, отмежеванном природою и указанным сознанием своей способности! Зрелище жизни великого человека есть всегда прекрасное зрелище: оно возвышает душу, мирит с жизнью, возбуждает деятельность!..

Сноски

1 Я сказал страшное слово: за него досталось уже и автору «Михаила Васильевича Ломоносова»: один грамматический журналист очень рассердился на его прекрасное произведение, вероятно, за мысль, что у нас еще и теперь нет грамматики, которая была бы лучше Ломоносовой. В самом деле: Ломоносов и грамматический журналист – соперники, а похвалить одного соперника значит обидеть другого: как же быть так неосторожным!.. {6}

Михаил Васильевич Ломоносов. Сочинение Ксенофонта Полевого. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
2 по положению (лат.). – Ред.

Комментарии

1 См. прим. 15 к статье «Ничто о ничем...».

2 Евангелие от Матфея, 5, 13.

3 См. рецензируемое Белинским издание, т. 1, гл. IX, с. 189.

4 Это письмо Ломоносова впервые опубликовано в альманахе «Уrania. Карманная книжка на 1826 год для любителей и любителей русской словесности». М., 1826. Перепечатано в рецензируемой книге Полевого (т. II, с. 293–295). Белинский цитирует письмо с небольшими неточностями. Следующая затем цитата из книги Полевого (т. II, с. 286–292) также приведена с мелкими неточностями.

5 В личной библиотеке Белинского сохранился экземпляр настоящей книги Кс. Полевого с многочисленными пометками критика. Пометки носят в основном иронический характер и, по предположению Л. Ланского, автора статьи «Библиотека Белинского», были сделаны в 40-х гг., когда отношение критика к братьям Полевым резко изменилось (ЛН, т. 55, с. 485–488).

6 Речь идет о Н. Грече, авторе, ряда книг по русской грамматике (см. прим. 15 к «Литературным мечтаниям»).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!